

ДИМ ДИМЫЧ КОЛЕСНИКОВ

СВЯЗНОЙ

ДимДимыч Колесников

Связной

«Автор»

2026

Колесников Д.

Связной / Д. Колесников — «Автор», 2026

Это притча об одиночестве, уходящей эпохе живого общения, памяти и о том, как технологии и время крадут у нас тепло человеческих чувств, оставляя лишь ржавчину и тишину.

© Колесников Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Связной

Рассказ

Я не помню, когда я появился на свет. Память моя начинается не с рождения, а с боли — с того мгновения, когда меня прижали к холодному кирпичу и вогнали в стену четыре шурупа, по одному в каждый угол, будто прибывая бабочку к картону. Это было, наверное, в шестидесятом, а может, в шестьдесят втором — в тот год, когда сложили из белёсого силикатного кирпича и этот дом, и весь квартал, ещё пахнувший извёсткой, сырой штукатуркой и тем особенным, ничем не заменимым запахом начала и светлой надежды, который бывает только у новых вещей и молодых людей.

Я был великолепен. Моя синяя краска — яркая, сочная, цвета майского неба — блеснула на солнце, заливавшем подъезд через окно так, что слепило глаза. Жестяные бока пахли свежей эмалью. Щель для писем, тонкая и строгая, как сжатые губы, пружинила упруго и звонко: щёлк — и захлопнется, щёлк — и снова готова. Внизу, на дверце, висел крошечный замочек, которым, впрочем, почти никогда не пользовались, — тогда ещё доверяли друг другу, тогда ещё не воровали чужих новостей.

Тогда я был нужен. О, как я был нужен! Меня вешали на стену не как вещь, а как обещание: здесь будут жить и ждать. Здесь будут получать только самые хорошие и интересные вести. Страна уже почти отошла от боли и разрушений войны, шагнула в космос, и нам всем очень был нужен мир. И мир пришёл.

В первые годы ко мне спускалась она — молодая женщина с длинной русой косой, перекинутой через плечо, со счастливым, ещё не тронутым временем лицом и смеющимися глазами цвета некрепкого чая. Вера. Так звал её муж, Пётр, перегибаясь через перила второго этажа: «Вера! Верочка! Принесли что-нибудь?» И она опускала руку в мою железную утробу — не торопясь, с тем сладким, замирающим предвкушением, с каким опускают руку в колодезь судьбы, — и вынимала листы тёплых, чуть влажных, пахнувших типографской краской чудес.

Это была эпоха толстых пачек. «Правда», «Известия», свёрнутые на два сгиба и пахнущие чем-то взрослым, ответственным, государственным. Позже появились журналы с яркими, лаковыми обложками, которые она иногда читала вслух Петру по вечерам — я слышал сквозь приоткрытое окно её ровный, певучий голос и его редкие, басовитые замечания. Я помню запах журналов о моде, чуть сладковатый, с оттенком тех дешёвых духов, которые печатали прямо на вкладышах, чтобы женщины могли, потерев вкладыш пальцем, мечтать о роскоши, а по выкройкам пошить себе новое платье. Помню «Крестьянку» и «Работницу» — пусть и попроще, но пахнувших уверенностью в завтрашнем дне и достоинством простого труда. А был ещё «Советский экран», и Вера, бывало, вырезала из него портреты красивых актёров — Баталова, Тихонова — и складывала в отдельную папку, перевязанную тесёмкой, будто прятала туда кусочек другой, киношной, недостижимо прекрасной жизни.

Потом в доме зазвенел детский смех, и моя жизнь налилась новым, самым важным содержанием. Появился Витя — старший, шумный, вечно с разбитыми коленками, — и для него стал приходить «Юный техник». Я слышал, как мальчишка визжит от восторга на лестнице, на ходу разрывая бандероль, читая про реактивные самолёты и подводные крылья, и мне казалось, что я тоже гужу от гордости, пропуская сквозь себя эти буквы, эти чертежи, эти мечты о небе. Потом родилась Люся — тихая, белоголовая, — и в моей душе поселился «Мурзилка»: маленький, скоро затрёпанный до бахромы по углам, но такой родной, с жёлтой собакой на обложке. По четвергам приходила «Пионерская правда», которую дети вырывали друг у друга из рук прямо около меня на ступеньках лестницы.

Но я был не просто жестяным коробом, прибитым к стене. Я был вратами мира. Я был связным. Через меня проходила вся жизнь этой семьи — целиком, без остатка. Радостные открытки о рождении племянников. Строгие повестки и вызовы. Квитанции, переводы, поздравления к Новому году и Первому мая. А иногда — телеграммы о смерти, узкие бумажные ленты, наклеенные на бланк, от которых мои металлические стенки, казалось, сами собой сжимались в тоске. Я помню, как однажды Вера прочла такую, о смерти мамы. Стоя прямо передо мной, она не закричала, нет, — она молча прижалась лбом к моему холодному синему боку, и я впервые почувствовал на железе жар человеческих слёз. Они были горячие, как кровь. Я стоял и держал её, сколько мог, — всем своим металлом, всеми четырьмя шурупами. Это была тяжёлая работа. Но настоящая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.